

УДК 340.115

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ СИСТЕМЫ ПРАВА

Д.Н. Горшунов

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются общие закономерности построения структуры системы права на макроуровне, некоторые особенности применения к исследованию системности в праве математического метода, рассматривается исторический контекст применения математических методов в юриспруденции, приводятся примеры использования математических категорий при раскрытии сущности правовых явлений и процессов.

Ключевые слова: система права, методология права, частное право, публичное право.

Системность права при всех её объективных выражениях во многом обладает свойством субъективного восприятия, поскольку содержит субъективный анализ и оценку её элементов и связей между ними. Сама природа ничего не систематизирует и не классифицирует, в связи с чем истинность знаний о системе права сохраняет относительный характер, что отнюдь не означает ухода в субъективный идеализм либо агностицизм и не исключает их достоверности при получении надлежащими методами.

Общенаучный термин «система» многомерен. К его раскрытию применительно к праву можно подходить с самых различных точек зрения. Занимательным представляется подход немецких ученых-юристов Бернда Рютерса и Акселя Бирка, приводящих в качестве аналогии системы права Солнечную систему, состоящую из элементов (планет), находящихся на определенном местоположении (орбите) под воздействием внутренней связи (гравитации) и отграниченных от внешней системы (Вселенной), что характеризует, по мнению данных авторов, внешнюю и внутреннюю стороны системы права, то есть, соответственно, макроуровень системы права, куда входят, в частности, подсистемы публичного и частного права, и микроуровень, обращенный к содержанию правовых норм [1, S. 106–107].

В современной теоретической юриспруденции фактически объявлен методологический кризис, сводящийся к тому, что современные исследования практически не обогащают методологию юридической науки новыми подходами, а имеющиеся являются вариациями уже известных [2, с. 7]. Это в существенной степени отражается на объективности результатов изучения правовых проблем, их достоверности, научности. К сожалению, в некоторых работах, в том числе

и в диссертационных исследованиях, методологическая база все больше становится «проходной» частью, авторы не углубляются в содержание указанных ими методов, которые порой не обнаруживаются в самом содержании научного труда. Иногда создается впечатление, что исследователь не вникает в содержание самого метода и его назначение в исследовании.

В то же время является весьма плодотворным подход, при котором содержание методологии юриспруденции обогащается за счет методов других наук, в том числе и не относящихся к блоку социальных. Между тем изучение социальных процессов, в частности, связанных с действием права, формированием и модификацией его системы, динамика реализации правовых норм, установление закономерностей нелинейного характера, проявление правовых и государственных явлений в общественной системе координат, исследование общественных явлений с учетом принципов системности и математических расчётов позволяют взглянуть на традиционные правовые явления с новых позиций, расширить представление о них, выстроить дополнительную аргументацию, подкреплённую расчётами.

Представляется, что использование неюридических средств познания правовых явлений в значительной степени оправдывается выводимыми на их основе и вполне устоявшимися категориями и понятиями. Так, например, категории «механизм (аппарат) государства», «механизм правового регулирования» прочно вошли в систему теоретической юриспруденции, хотя определяющие слова – механизм, аппарат – ассоциируются больше с разделом физики или с технической сферой. То же можно сказать, когда речь идет об органах государства, где «органическое» начало элемента государственного аппарата представляется сходным с функционированием и положением органа биологического организма. В юриспруденции также используется термин «семья» применительно к группе правовых систем современности.

Математические средства исследования в праве – это всего лишь один из многих способов познания глубины исследуемого предмета. Однако его следует признать и одним из наиболее древних: знаменитый ученый ранней античности Пифагор (580–500 до н. э.) – основатель собственной школы, религиозный и политический деятель, теоретик музыки и математик – одним из первых, или даже первым из известных, предпринял попытку теоретической разработки понятий «равенство» и «справедливость», соответствующих ранним представлениям о праве, на основе их математических (цифровых) характеристик (см. [3, с. 101; 4, с. 45]), причем исследования связывались с количественными характеристиками применительно не только к праву и государству (полису), но и к поискам функционально оптимальной модели общественного устройства.

Пифагорейская идея правового равенства была поддержана Сократом (469–399 до н. э.) в его идее «геометрического равенства», под которым тот имел в виду политическое равенство, равенство по ценности в делах политической добродетели в отличие от простого, человеческого арифметического равенства [5, с. 134].

С математических позиций к протоправовым категориям «равенство» и «справедливость» подходил и величайший мыслитель во всей истории философии, политической и правовой мысли Аристотель (384–322 до н. э.), который

развил критерии «арифметического равенства» и «геометрического равенства» соответственно для уравнивающей и распределяющей справедливости [4, с. 65].

В гораздо более поздний период, когда существенно раздвинулись границы познания объективного мира, математических методов исследования правовых явлений также не сторонились. Великий немецкий математик, философ и юрист, а также выдающийся дипломат Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716), одно время состоявший и на русской службе при Петре I в качестве юстиц-советника, основоположник дифференциальных и интегральных исчислений и создатель уникальной счетной машины (есть мнение, что именно положенная в основу ее действия счетно-решающая техника обозначила основу для возникновения в XX в. кибернетики) также во многом следовал позиции, высказанной Аристотелем относительно распределяющей и уравнивающей справедливости. Поиски основ концепции «рациональной юриспруденции», выразившихся в разработке для юридической науки формализованно-аксиоматического метода, привели Лейбница к целому ряду фундаментальных идей: об общем аксиоматически-математическом выражении всех истин разума, об универсальном знаковом языке изложения содержания всех наук, о комбинаторике понятий и т. д. Существование нового метода науки, по Лейбницу, заключалось в создании системы юридических доказательств-аксиом, подобных аксиомам в геометрии, а сам процесс аргументации сводился к логике счета. При этом особое внимание уделяется «правильной форме», которая носит во многом обрядовый и ритуальный характер, но в то же время связывает и упорядочивает рассуждения. И значение ее в юриспруденции такое же, как создание формул и общих законов в математике [4, с. 344–361].

Действительно, математические методы и математическая логика позволяют выявить не только количественные показатели, но и структурированность, параметризацию исследуемого с их помощью явления, а также использовать фундаментальные свойства математики в анализе закономерностей, зависимостей, в том числе путем построения функций и системы координат, в учёте динамики развития. Это позволяет проводить группирование эмпирической базы, прогнозирование результатов, основанных на выявлении функциональных закономерностей [6, с. 257–258].

Так, развитие математического блока дисциплин, равно как и других наук, позволяет опробовать его инструментарий в плане приложения в отношении предмета и системы методологии юриспруденции.

Вообще следует отметить, что юридическая наука весьма отзывчива на те прогрессивные, порой революционные изменения, которые происходят в других сферах знания и общественного бытия. Зачастую возникает «соблазн», причем порой довольно успешный, позаимствовать отдельные категории и средства для познания юридических явлений и процессов. Так, историческое укрепление позиций религиозного мировоззрения, пришедшего на смену мифологическому, позволило сформироваться теологическим доктринам права и государства, пришедшим на смену патриархальным; выдвигание на первый план буржуазии с характерным для нее «классовым признаком» – договорными коммерческими отношениями – договорными концепциями; становление социологии дало толчок к возникновению самых разнообразных социологических, или, точнее, соци-

ально обусловленных трактовок государственно-правовых явлений; открытия в области физиологии и функционирования организма дало «почву» органической модели государства»; исследования в области психоанализа и психологии в целом породили психологические теории; возникновение кибернетики позволило взглянуть на традиционное государство и право как на кибернетическую систему и т. п.

В этой связи вполне обоснован вывод, что и государство, и право представляют собой настолько многогранные системы, что рассмотрение их под углом зрения какой-либо из представленных выше позиций позволит установить лишь определенную проекцию, выявить только часть признаков. Один и тот же ученый, вооружившись различными методами исследования, сменяя наблюдательную позицию, используя различные средства из своего методологического арсенала, обнаружит совершенно различные результаты, демонстрирующие одну из сторон предмета.

По содержанию, рассмотренному сквозь призму своей системы, право представляется неоднородным. В своей структуре оно содержит нормы, имеющие различную направленность, функциональность и адресованные различным субъектам. В этой связи следует выделять сферы, мегаотрасли, макроуровни системы права, объединяющие сходные по своему содержанию правовые нормы, определяющие специфику правового регулирования, выражающуюся в определенном характерном наборе его средств.

В связи с традиционно сложившимся подходом к «дуализму» системы права, по смыслу которого выделяются по два направления, характеризующиеся наличием или отсутствием в регулятивной сущности правовой нормы определенных качественных черт, мало у кого вызывает сомнение деление права на частное и публичное, материальное и процессуальное, внутригосударственное и международное, а также обозначившееся в последние годы в связи с развитием глобальных коммуникационных сетей подразделение права на реальное и виртуальное. В связи с недостаточной степенью теоретического осмысления и практической разработки данного подразделения системы права, на практике выражающегося либо в попытке адаптации традиционного права, рассчитанного на регулирование отношений в реальном времени и пространстве, к информационным системам и их элементам, либо в попытках создания специальных «виртуальных» правовых механизмов – такой подход хотя и обозначен с «кибернетических» позиций, довольно близких к математическим исследованиям системы права, но не рассматривается в данной статье подробно.

При этом также очевидно, что взятое в совокупности такое подразделение не однопорядковое и является взаимоисключающим лишь в отношении своего парного «антагониста». Норма права может содержать соответствующие признаки каждого из критериев дихотомии, ибо сколько у предмета сторон, столько у него и определений (В.И. Ленин). Так, норма частного права может носить материальный или процессуальный характер, быть внутригосударственной либо «международного происхождения», норма публичного права может проявлять себя так же.

Представляется, что механическое распределение правовых норм по указанным направлениям не раскроет специфики правового регулирования каждо-

го из них. Более того, очевидно и то, что при рассмотрении системы права через совокупность отраслей, подотраслей и институтов в данном случае не объясняются особенности правового регулирования каждой из мегаотраслей.

В этой связи напрашивается вывод о том, что система права представляет собой *сложное многомерное явление*, то есть может быть представлена и в виде пространственной тригонометрической системы, системы координат. Обозначенные выше направления представляют собой оси или плоскости, обеспечивающие некое подобие тригонометрической системы пространственных измерений: одна плоскостная система координат позволяет определить местонахождение по шкале «частное-публичное», вторая – по шкале «материальное-процессуальное», третья – по шкале «внутригосударственное-международное», и возможно четвертое, которое пока так же не явно, как и аналогичное представление для нашего привычно воспринимаемого трехмерного пространства – по шкале «реальное-виртуальное». Эти пары, а точнее, парные юридические категории представляют собой одноуровневые по отношению друг к другу категории. Это характерный пример антиномии – противоречия познания, сводимого к диалектической связи противопоставленных (полярных) явлений. При этом данная связь представляется очевидной парадигмой, вполне устоявшейся и однозначно воспринимаемой [7, с. 189].

Математическая наука представляет собой систему абстрактных категорий, существующих в человеческом представлении и являющихся результатом мыслительной деятельности. Ее значение раскрывается через установление внутренней связи категорий, выявление соответствующих объективных закономерностей. Юридические же категории представляются не менее абстрактными, поскольку также не существуют в физическом мире, но воспринимаются, тем не менее, как объективные, представляемые в особой форме человеческой деятельности или в форме однозначно понимаемых представлений об объекте (юридическом явлении или процессе) субъектами общественных отношений. При этом научность юридической абстракции зависит от того, что каждый из фиксируемых в ней признаков необходим для раскрытия специфики объекта, а их совокупность достаточна для выявления его сущности [2, с. 138]. Однако, в отличие от математики, раскрытие сущности юридической абстракции происходит не через последовательное решение задачи, выведение формулы, а через обнаружение его признаков и определение степени их достаточности.

Конечно, в ряде случаев при разрешении правовой задачи совершенно недопустим чисто математический подход.

Так, например, рассуждая о соотношении и балансе публичных и частных интересов в праве, Г.Ф. Шершеневич утверждал, что «общее благо (интерес – *Д.Г.*) разлагается *на сумму* частных интересов и это даёт основание утверждать, что общественные интересы охраняются правом настолько, насколько они в состоянии обеспечить благоденствие частных лиц. С другой стороны, частные интересы находят поддержку в праве и защиту лишь тогда и настолько, когда и насколько преследование их соответствует общему благу. Частный интерес, не отвечающий видам общества, никогда не удостоится общественной (юридической) охраны. Итак, можно утверждать, что право имеет всегда в виду только общее благо или, наоборот, только частные интересы» [8, с. 8].

Однако интересы, формирующиеся в сфере частной жизни индивида, могут не совпадать с теми интересами, которые считают для себя общими нация, общество, государство [9, с. 19]. Любое общество является сложной социальной системой с наличием существенных связей и не сводится лишь к сумме составляющих его индивидов. Точно так же интересы общества в целом не сводятся к арифметической сумме частных интересов его членов. Они во многом диктуются необходимостью социального развития и нацелены в будущее [10, с. 22]. Это доказывает следующий пример. По данным министерства здравоохранения России, в нашей стране курит 80% населения [11]. Если бы общественные интересы сводились к простой сумме индивидуальных потребностей, то государство, выражая настроение большинства населения страны, должно было бы принимать законы о максимальном стимулировании курения табака. Однако обратное говорит принятие 10 июля 2001 г. Федерального закона № 87-ФЗ «Об ограничении курения табака» [12], определяющего правовые основы ограничения курения табака в целях снижения заболеваемости населения.

В качестве публичных интересов могут признаваться не только интересы общества в целом, но и интересы крупных социальных групп, в том числе и классов. Следует, однако, оговориться. В последнее время границы классовых общностей не вполне очевидны: тенденции социальной мобильности, отсутствие ярко выраженной классовой идеологии и прочие сглаживающие факторы переводят исследования общественных отношений с классовых позиций на менее категоричные платформы социальной стратификации. Массовость носителей интереса в этом случае имеет важное значение. Наличие статистически значимой группы лиц, объединённых общим интересом, свидетельствует о существовании публичного интереса. Экономической особенностью общественных благ служит невозможность ограничить доступ к ним большого количества потребителей, когда отдельный носитель интереса как бы растворяется, выступая лишь в качестве представителя той или иной социальной группы [10, с. 23].

Например, в сфере экономики такой массовой социальной группой являются потребители, интересы которых отражены в законодательстве о защите прав потребителей. Так, в преамбуле закона «О защите прав потребителей» [13] потребители называются в качестве носителей особых интересов, для государственной и общественной защиты которых создаётся специальный правовой механизм.

Особо следует выделить проблему лоббирования интересов отдельных групп, не отличающихся массовостью, – экономических (например, «олигархи»), профессиональных и т. д. Выражение в нормативных актах их интересов отнюдь не свидетельствует о том, что общество стремится их поддержать. К сожалению, отношения, связанные с лобби, лежат в России, где отсутствуют законы о лоббировании, за пределами правовой сферы, хотя его результаты имеют юридическую форму. Интерес, даже будучи выраженным в праве, имеет свои источники и механизмы формирования в неправовых явлениях.

В некоторых случаях решение проблемы сбалансированного сочетания частных и публичных интересов представляется весьма сложным по морально-этическим и организационным основаниям. Так, в сфере охраны здоровья есть сегмент, в котором также просматриваются проблемы соотношения и реализа-

ции различных по направленности интересов: заболевание, вызываемое вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекция), приобретает массовое распространение, остаётся неизлечимым, приводит к неотвратимому смертельному исходу, чем создаёт угрозу личной, общественной, государственной безопасности, вызывает тяжёлые социально-экономические и демографические последствия для России. Это вызывает необходимость принятия своевременных эффективных мер комплексной профилактики ВИЧ-инфекции и защиты прав и законных интересов населения. С учётом изложенного, предусмотренные федеральным законом «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека» и другими нормативными актами меры представляются недостаточными и не обеспечивающими защиту частных и публичных интересов. Масштабность опасности для здоровья населения инфекционных заболеваний (эпидемий) является весомым аргументом для ограничений прав граждан на распоряжение своим здоровьем. Вместе с тем отсутствие закона о порядке обязательной госпитализации и изоляции не обеспечивает надёжной защиты прав и не исключает возможности злоупотреблений при применении соответствующих мер принуждения [14]. В этой связи представляется актуальным вопрос о правовой охране прав и законных интересов как заболевших, так и лиц, которые могут быть подвергнуты угрозе заражения.

Подобных примеров можно привести множество. И они будут ещё раз подтверждать то, что общественные (публичные) интересы – *это не арифметическая сумма слагаемых* – частных интересов, потому что, во-первых, простое сложение интересов не позволяет провести анализа связей между частными интересами, не даёт возможности определить тот общий стержень, на который они нанизаны, будучи по природе своей индивидуализированными в силу личных качеств субъекта-носителя. Во-вторых, общественный (публичный) интерес вполне обоснованно предполагает *вынесение за скобки* определённых меркантильных моментов, интересных одному субъекту, которые, хотя и не являются противоправными, но не соответствуют интересам других субъектов. Таким образом, общественный интерес всегда приводится к *общему знаменателю*, если продолжать пользоваться математическими терминами.

Очевидно, что сфера применения математических методов в юриспруденции не безгранична. Её использование определяется конкретными исследовательскими задачами. В то же время сама постановка задачи определяет необходимость и целесообразность применения математических методов. Сами математические методы должны приводить к раскрытию значимых признаков юридического явления (абстракции), дополнять его комплексное познание, не противоречить другим выводам, полученным на основании использования других методов, и, в свою очередь, должны быть ориентированы на поиск новых путей в повышении эффективности правового регулирования.

Summary

D.N. Gorshunov. Investigating the System of Law by Mathematical Methods.

The article considers general approach to the construction of framework for the system of law on macrolevel, pointing out specifics of law systematization by mathematical method. The application of mathematical methods by legal science is viewed in the historical context. The use of mathematical categories in legal analysis is illustrated.

Key words: system of law, law methodology, civil law, public law.

Литература

1. *Rüthers B., Birk A.* Rechtslehre. Begriff, Geltung und Anwendung des Rechts. 2., neu bearbeitete Auflage. – München: Verlag C.H. Beck, 2005. – 633 S.
2. *Керимов Д.А.* Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. – М.: Аванта+, 2001. – 559 с.
3. *Редкин П.Г.* Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще. – СПб, 1889. – Т. 2.
4. История политических и правовых учений / Под общ. ред. акад. РАН В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2004. – 944 с.
5. *Нерсесянц В.С.* Политические учения в Древней Греции. – М.: Наука, 1979. – 261 с.
6. *Зражевская Т.Д., Маланыч И.Н.* Математические методы исследования в юридической науке // Современные методы исследования в правоведении / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – Саратов: СЮИ МВД России, 2007. – С. 256–293.
7. *Нырков В.В.* Парные юридические категории: логико-философские основания и перспективы разработки // Современные методы исследования в правоведении / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – Саратов: СЮИ МВД России, 2007. – С. 165–194.
8. *Шершеневич Г.Ф.* Понятие о гражданском праве. – Казань., 1898. – 31 с.
9. *Маштаков К.М.* Теоретические вопросы разграничения публичного и частного права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2001. – 24 с.
10. *Тотьев К.Ю.* Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве // Государство и право. – 2002. – № 9. – С. 19–25.
11. Ведомости Министерства здравоохранения РФ. – 2001. – 15 июня.
12. Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 29. – Ст. 2942.
13. Федеральный закон от 9 января 1996 г. № 2-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.
14. *Шевчук С.С.* Проблемы сочетания частных и публичных интересов при реализации прав граждан в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы правоведения. – 2003. – № 3. – С. 194–196.

Поступила в редакцию
25.02.08

Горшун Денис Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Казанского государственного университета.

E-mail: gorshunoff@mail.ru